

К ВОПРОСУ О ВРОЖДЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ

Сыровежкин А. А.

Научный руководитель ассистент Жулий Ю. В.

Сибирский Федеральный Университет

Вопрос о том, что является основой познания, во все времена был одним из главных для гносеологии. Главную трудность представлял вопрос о том, что именно — чувства или разум — следует считать источником познавательного процесса. Ещё во времена античности можно проследить совершенно чёткое разделение мыслителей на два противоположных направления, которые пытались различными способами объяснить познавательные способности человека. С одной стороны это, например, Платон, утверждавший, что в разуме человека существуют врождённые идеи, которые и являются подлинным знанием о мире, возможным лишь вследствие причастности души к миру идей. А с другой стороны, например, Эпикур, считавший главным критерием истины ощущения, которые являются непогрешимыми, а разум находится в полной зависимости от ощущений, и соответственно, ни каких врождённых знаний не существует. Уже после знакомства с этими двумя противоположными позициями становится очевидно, что как раз вопрос о том, есть ли что-то врождённое в человеческом разуме, а если есть, то что, является одним из главных вопросов гносеологии, не ответив на который невозможно определить и то, что же является основой познания. Актуальность данной проблемы состоит хотя бы в том, что даже современная наука, и конкретно, биология, не может со стопроцентной уверенностью ответить на этот вопрос – в какой-то степени можно сказать, что многие учёные, не говоря уже про людей, далёких от науки, превратили человеческие гены в те самые платоновские «врождённые идеи», в которых записаны все человеческие знания, способности, таланты и даже сексуальная ориентация. Итак, всё же, что в человеке является врождённым, а что лишь ошибочно принимается за врождённое?

Во времена новоевропейской философии вопрос о соотношении способностей разума, врождённых идей и чувственного опыта в познании становится одной из ключевых философских тем. Всё это приводит нас к широко известному спору рационалистов и эмпиристов, полностью противопоставлять которых, конечно же, неправомерно, но всё же, что касается главного вопроса, относительно главенствующей формы познания, этот спор имеет принципиальное значение. Согласно рационализму основой познания и действий людей является разум, практически не зависящий или вообще не зависящий от чувственного опыта. А главный принцип эмпиризма, в свою очередь, состоит в следующем – «нет ничего в разуме, чего до этого не было бы в чувствах». Но вся проблема в том, что и рационализм, и эмпиризм изначально находится в рамках метафизического способа мышления, где чисто логически мы всегда будем приходить в тупик, пытаясь определить какая форма познания предшествует другой и является более значимой. Самый главный минус, отличающий как и тех, так и других, состоит в том, что классические рационалисты и эмпиристы пренебрегали или полностью игнорировали роль деятельности и практики в теории познания. А включение активности, деятельности в теорию познания — это заслуга немецкой классической философии, первым и одним из главных представителей которой по праву считается Иммануил Кант. Именно Кант, начав свой философский путь как традиционный рационалист, но после знакомства с трудами Дэвида Юма начавший развивать свою собственную философию, первым попытался соединить рационализм и эмпиризм. Кант абсолютно справедливо полагал, что для познания

необходимы как опыт, так и разум, а также активный субъект, который стремится к познанию, таким образом, именно Кант одним из первых акцентирует внимание на активной деятельности в теории познания.

Но в то же время Кант не смог избежать в своей философской системе и некоторого «врождённого знания», без которого познание невозможно в принципе. Он называет это знание априорным и понимает под ним знание всеобщее, необходимое и не зависящее от опыта, порождаемое самой познавательной способностью. Но вся проблема в том, откуда берутся эти доопытные формы, если они всё-таки не являются врождёнными? Откуда в человеческом интеллекте появляется заранее возведённая конструкция из категорий, благодаря которой становится возможным познание и образование понятий? И возможно ли вообще ответить на эти вопросы с исторической или научной точки зрения? Первая по-настоящему хорошая попытка была сделана лишь в XX веке. Выдающийся австрийский учёный, один из основоположников этологии, Конрад Лоренц, стал известен в философском мире, благодаря напечатанной в 1941 году статье «Кантовская концепция априори в свете современной биологии», в которой изложил свою «эволюционную теорию познания». Вступая в заочный диалог с Кантом, Лоренц утверждает, что априорные формы мышления и интуиции следует понимать как адаптацию, поскольку априори базируется на аппарате центральной нервной системы, который приобрел свою целесообразную видосохраняющую форму благодаря взаимодействию с реальностью в ходе генеалогической эволюции, длившейся множество эпох. Такая адаптация обеспечила наше мышление внутренней структурой, в значительной степени соответствующей реальностям внешнего мира.

Для Лоренца очевидно, что «врожденное знание» существует и имеет своим материальным носителем человеческий геном, но это «знание» не имеет вида математических или логических понятий и вообще не доставляет человеку готовой «информации о мире», а состоит из структур, делающих возможным усвоение такой информации. Один из ключевых выводов, сделанных Лоренцом, состоит в том, что все наши априорные знания являются, по сути говоря, апостериорными, то есть знания, которые получены до всякого опыта для конкретного индивида были опытными для его предков, и именно это знание, закрепившись в геноме, передаётся из поколения в поколение и позволяет человеку быть человеком. Одной из главных заслуг эволюционной эпистемологии является объяснение роли знаний с биологической точки зрения. При этологическом подходе становится очевидным, что каждый акт познания есть взаимодействие между некоторой частью мира, внешней по отношению к организму, и самим организмом. И для понимания важности познавательного процесса необходимо понимание сущности самой жизни, которая всегда преследует одновременно две цели — приобретение «капитала» энергии и сокровища знания, причем обладание одним из них, всегда способствует получению другого. А развитие способов познания, то есть способов накопления энергии, по сути, и является эволюцией, в процессе которой накопленные знания о мире записываются в геноме и передаются следующим поколениям. Важность знаний для нас, как для биологического вида, с этой точки зрения очевидна — получение и накопление информации, существенной для сохранения вида, — столь же фундаментальная функция всего живого, как получение и накопление энергии.

И человек точно также существует за счёт накопления энергии, как и все остальные животные, но именно с появлением человека произошла самая настоящая революция, благодаря которой родился принципиально новый способ накопления информации. Эволюционное преимущество человека состоит именно в развитии уникального для животного мира способа получения и передачи информации, который смог выйти далеко за рамки и превзойти генетический способ хранения и передачи

информации, который, как можно сказать теперь, имеет и свои очевидные минусы. И здесь, пытаясь ответить на вопрос о том, как именно накапливается это знание, мы возвращаемся к самой главной проблеме – есть ли в человеке врождённые знания и способности, а если есть, то какие именно? И не удивительно, что именно эволюционная эпистемология попыталась ответить на этот философский вопрос с биологической точки зрения, благодаря чему путь к правильному ответу в споре рационалистов и эмпиристов, в котором обе позиции в определённом смысле являются правильными, но также и ложными, всё-таки становится возможным. Наиболее кратко этот ответ можно выразить так – рационализм прав для человека как отдельного существа; эмпиризм прав для человека как биологического вида.

Но важно понимать, что те самые структуры мозга ещё не означают, что человек рождается с готовым знанием о мире или какими-то готовыми способностями или предрасположенностями к чему-то. В животном мире действительно существует огромное количество примеров того, что индивид начинает выполнять действия присущие его виду до всякого опыта и до всякого обучения. Но правомерно ли утверждать, говоря о человеке, что, например, способность к языку является врождённой и что язык, по сути говоря, является таким же инстинктом, выработанным в ходе эволюционного развития и закрепившимся в генах? Многие представители эволюционной эпистемологии открыто пытаются свести все особенности психики человеку к психике животных, но вряд ли подобные рассуждения можно считать хотя бы отчасти правомерными - у человека не инстинктивные механизмы социализации и развития. В этом и есть тот самый плюс человеческого знания, о котором говорилось выше – оно закрепляется не в генах, оно закрепляется в обществе и во всех окружающих предметах, созданных человеком для человека. Самый главный минус эволюционной эпистемологии состоит в том, что концентрируя внимание на врождённых структурах познания, выработанных в ходе эволюции и которых якобы достаточно ребёнку для того, чтобы стать человеком, она практически ничего не говорит о роли прижизненной деятельности человека, о влиянии общества на те самые структуры познания. На первый взгляд может показаться, что это не столь принципиальный момент и что на нём не стоит акцентировать излишнее внимание, но вся проблема в том, что именно из идеи о существовании тех или иных готовых врождённых знаний, делается огромное количество неправомερных и опасных выводов. Самый главный из которых можно выразить примерно так – все люди изначально (с самого рождения) не равны.

Меж тем устанавливать столь чёткую причинно-следственную связь между генотипом и фенотипом и утверждать, что в генах записана вся наша дальнейшая судьба, это практически то же самое, что утверждать, подобно астрологам, что наше будущее зависит от расположения планет и звёзд. Величайшей ошибкой было бы отдавать генам главенствующую роль в развитии человеческой психики и качеств индивида. На самом деле, всякое живое существо есть результат непрерывного взаимодействия генов, окружающей среды и собственно фенотипа. При этом важно не попасть под влияние ещё одной точки зрения, согласно которой организм не что иное как пластилин в «руках» генов и внешней среды. Между тем организм — такой же активный элемент эволюционного процесса, о чём подробно говорит диалектический материализм. Все живые существа диалектически взаимодействуют с окружающей средой, и понимание этого является обязательным моментом для решения проблемы врождённого в человеке. Именно диалектический материализм делает то, что не делает эволюционная эпистемология – он говорит о той решающей роли в создании подлинной человеческой личности, которая принадлежит прижизненной деятельности.

Выдающийся советский философ Эвальд Ильенков, написавший ряд работ, посвящённых обучению слепоглухих детей, на примере собственных исследований убедительно показывает, что самого по себе здорового мозга недостаточно для того, чтобы в нём сама «пробудилась» человеческая психика. В случае врождённой или рано приобретённой слепоглухоты даже зачатки человеческой психики быстро деградируют и одних только генов или инстинктов будет недостаточно для того, чтобы мозг начал функционировать правильно. Мозг продолжает расти, усложнять свои морфологические структуры, то есть развиваться по программам, закодированным в генах, в цепочках молекул дезоксирибонуклеиновых кислот, но ни одной, даже самой примитивной, связи между нейронами, обеспечивающей его психическое функционирование, так и не возникнет. Мозг так и останется навсегда лишь органом управления процессами, протекающими внутри тела — процессами кровообращения, пищеварения и выделения, газообмена и терморегуляции, то есть процессами, которые и у каждого нормального человека протекают без участия психики и в ее помощи не нуждаются. И лишь в ходе прижизненного приобщения человека к условиям исторически развитой культуры, а не в результате биологического развития мозга, впервые возникают, а затем развиваются вплоть до самых высших уровней все без исключения специфически человеческие психические функции — сознание, воля, интеллект, воображение, способность понимать речь и говорить, способность «самосознания» и все остальное. И как после этого можно говорить, что в генах записаны интеллектуальные способности, таланты, агрессивность или предрасположенность к преступлениям, если даже сама психика (в рамках которой и возможны все эти явления) не сможет возникнуть при участии одних только генов и без культурного влияния?

Но что же тогда записано в генах? Ведь нельзя же сказать, что в них содержится только строение тела и внешность живого организма – в них должно быть то, что позволяет нам стать людьми. И здесь мы вплотную подошли к выводам. Отвечая с исторической точки зрения на вопрос о том, что же первично – опыт или разум, или более современный вариант – деятельность или гены, мы можем уверенно сказать, что первична именно деятельность. Вначале хаотичная, вынужденная и случайная, но именно она приводит к изменениям в мозге, а не наоборот. Но в процессе исторического развития эти изменения начинают закрепляться в структурах мозга и в генах, благодаря которым новорождённый индивид имеет возможность научиться той деятельности, которой овладели его предки, естественно, что не без общественного влияния и прижизненного обучения.

По сути говоря, человеческий мозг, появляющийся в нас благодаря генам, и являющийся результатом длительной эволюции, является тем важнейшим механизмом, который если и не запускает деятельность, то, по крайней мере, именно благодаря нему эта деятельность вообще становится возможна на качественно ином, по сравнению с другими животными уровне – развитый мозг это всего лишь материал, но это материал, которого нет у других животных. Структура сложного мозга современного человека обусловлена эволюционно и генетически, и деятельность и познание в своих развитых формах возникают именно при участии этого эволюционно развитого мозга, однако важно понимать, что генетически заложена не сама способность, а лишь возможность. Из всего этого делается главный вывод – в мозге не заложена способность к развитой деятельности, но развитая деятельность возникает на основе развитого мозга. И также в мозге не заложено какое-либо готовое знание или способность к развитому познанию, но любое готовое знание и развитое познание возникает на основе развитого мозга, появившегося в ходе эволюционного развития.